

Эта встреча завершилась безрезультатно. Руководитель Комитета по делам особых людей, указывая пальцем на Цинь Шуаншуан, обрушил на неё поток обвинений. Внештатная группа Кризисного бюро потеряла свой самый элитный отряд, и самое строгое наказание, которое могло ожидать Цинь Шуаншуан, — это вынужденная отставка. Однако даже в такой ситуации она не пошла на уступки в вопросе, касающемся Цинь Гэ. Она резко высмеяла давление, оказываемое Комитетом на родственников Цинь Гэ, из-за чего никто из них не осмелился взять на себя ответственность за сироту.

Перелом в ситуации произошёл после частного разговора, состоявшегося после собрания. Чжан Сяо, который на тот момент ещё изучал море сознания и не получил квалификацию ментального регулятора, также присутствовал на встрече как важный технический специалист Третьего Склада. После собрания он тайком нашёл Цинь Шуаншуан и предложил ей выход из ситуации: чтобы Цинь Гэ не попал в руки Третьего Склада и не стал образцом для исследований, который, возможно, навсегда потеряет свободу, лучшим решением будет, если Цинь Шуаншуан и Цзян Лэян оформят его усыновление.

На втором собрании Цинь Шуаншуан выдвинула это предложение. Перед этим она уже лично встретилась с Цинь Гэ. В детстве он видел её несколько раз, и она всегда появлялась и исчезала стремительно. Однако в тот раз они впервые долго разговаривали лицом к лицу. Цинь Шуаншуан взяла его за руку и, не обращаясь с ним как с 15-летним подростком, прямо объяснила все плюсы и минусы ситуации.

Цинь Гэ согласился с её предложением, что стало решающим фактором в получении Цинь Шуаншуан опекуна над ним.

Затем последовал переезд, смена имени, переход в новую школу и попытки завести новых друзей. Цинь Шуаншуан и Цзян Лэян относились к нему с большой теплотой, и у него появился младший брат Цзян Сяочуань, который его безмерно восхищался. Под защитой Цинь Шуаншуан его уникальная способность патрулировать море сознания продолжала совершенствоваться, и в итоге он стал пятым ментальным регулятором в стране.

Всё шло хорошо. Как и в последующих репортажах в газетах и журналах: некто своими усилиями обрёл спокойную и счастливую жизнь.

Но Цинь Гэ знал, что это не так.

Он был благодарен Цинь Шуаншуан и понимал, что в восхищении Цзян Сяочуаня всегда скрывалась осторожная тревога. Они никогда не решались отмечать его день рождения, и он сам ни разу не упомянул о таком желании. Дома он был авторитетным старшим братом, надёжным сыном, и ничто в нём не вызывало беспокойства.

Все признавали его превосходство, и он изо всех сил старался соответствовать ожиданиям окружающих, выполняя то, что от него требовали: это была благодарность и своего рода расплата. Даже если Цинь Шуаншуан никогда не требовала от него благодарности, он постоянно напоминал себе об этом.

Но в душе Цинь Гэ всегда оставалась пустота. Ему часто снились кошмары, в которых бесчисленные горящие звёзды падали с неба. Они падали на вершины гор, вызывая огромные пожары, а чаще всего — прямо у его ног, пробивая скальные породы и затягивая его в бездонную пропасть.

В этой пропасти он слышал собственный плач. Прошло уже больше десяти лет, но подросток, который когда-то бежал по улицам в полдень, всё ещё не перестал плакать. Солнце всегда было ярким, крыши машин слепили глаза, и единственное, что он мог сделать, — это продолжать бежать изо всех сил.

Именно поэтому, поступив в Кризисное бюро, он настоял на работе в архиве.

Однако, к сожалению, за несколько лет работы он почти полностью изучил все документы, представленные Западным управлением, и знал наизусть всё, что касалось Инцидента в Луцюане. Согласно архивным записям, инцидент был чистой случайностью: глубокой ночью из источника Луцюань внезапно хлынуло огромное количество грунтовых вод, быстро затопив палатки Отряда «Сокол», разбитые в низине. Несмотря на отчаянные попытки капитана и его заместителей спастись, они не смогли противостоять стремительно поднимающейся воде и все погибли.

Никто не проявил халатности, это была объективно неизбежная случайность. Никто не должен был нести ответственность, кроме Цинь Шуаншуан, которой пришлось взять вину на себя.

Цинь Гэ однажды показал Гао Тяньюэ архивные документы по Инциденту в Луцюане и спросил:

— Если вода поднялась так быстро и все погибли, почему бумажные записи сохранились в идеальном состоянии, без малейших следов воды?

Он указал на фотографию в архиве. На ней был изображён абсолютно целый блокнот, хотя сфотографирована была только обложка, на которой не было ни единого следа воды.

— Почему сфотографирована только обложка, а не страницы? — спросил Цинь Гэ, хотя в его голове вертелись сотни вопросов, и все записи об Инциденте в Луцюане казались ему полными несоответствий.

Гао Тяньюэ лишь пожал плечами и развёл руками:

— Инцидент в Луцюане был случайностью в рамках секретной миссии, я и сам не в курсе.

Цинь Гэ заинтересовался запечатанной секретной полкой в архиве. Но доступ к ней имели очень немногие, и пока он ломал голову, как туда проникнуть, Гао Тяньюэ неожиданно повысил его, назначив начальником Отдела ментального регулирования.

Пустота в душе продолжала расти. Он всё ещё боялся темноты, которая напоминала ему о пропасти и плаче из кошмаров. Он также боялся самого себя, который так и не нашёл ответов, и своей слабости, которая не позволила ему докопаться до истины, касающейся гибели его родителей.

Закончив свой рассказ, Цинь Гэ весь покрылся потом.

Он сидел на полу, прислонившись к шкафу, а Се Цзыцзин присел перед ним, внимательно слушая его запутанные слова.

— ...Извини, — Цинь Гэ закрыл лицо руками и тяжело вздохнул. — Всё это слишком утомительно.

Се Цзыцзин продолжал молчать, лишь погладил его по голове. Цинь Гэ вдруг почувствовал, как у него защемило в носу: он узнал этот жест — так Се Цзыцзин гладил ангорского кролика.

Берберийский лев сел рядом, выпрямив спину, чтобы Цинь Гэ мог на него опереться. Он не удержался и обнял льва, уткнувшись лицом в его густую золотистую гриву. Феромоны Се Цзыцзина наполнили его ноздри и поры кожи. Они не вызывали желания, лишь давали ощущение тепла и покоя.

В замешательстве он увидел, как Се Цзыцзин вдруг приблизился к нему.

Поцелуй коснулся его лба. Се Цзыцзин поправил его волосы и поцеловал в бровь.

Нежный успокаивающий жест оставил Цинь Гэ в оцепенении.

— Тебе нужно хорошо работать, — произнёс Се Цзыцзин странные слова.

Он помог Цинь Гэ подняться.

— Когда закончишь, я отвезу тебя домой, — сказал Се Цзыцзин. — И останусь с тобой, чтобы тебе не снились кошмары.

...Да, это был настоящий Се Цзыцзин. Цинь Гэ, усаженный на стул, смотрел на лист бумаги перед собой. Он немного пришёл в себя, и эмоциональная разрядка помогла ему успокоиться, по крайней мере, руки больше не дрожали.

Се Цзыцзин, выслушав его историю, не стал комментировать, а лишь подперев голову рукой, сидел напротив и наблюдал, как он строчка за строчкой заполняет страницу.

Цинь Гэ писал целый час, подробно описывая всё, что видел в море сознания Би Фань, лишь слегка коснувшись её глубоко скрытых секретов.

— Закончил? — спросил Се Цзыцзин.

Цинь Гэ кивнул.

Се Цзыцзин забрал ручку и бумагу, вышел из кабинета.

Цинь Гэ остался сидеть на месте, а через мгновение повернулся к берберийскому льву. Золотистые глаза зверя смотрели на него, и в этот момент Цинь Гэ почувствовал странное желание подчиниться льву.

Это чувство было настолько незнакомым, что он вздрогнул, но вскоре почувствовал облегчение, ведь ему не нужно было принимать решений и постоянно быть настороже.

Се Цзыцзин вернулся, за ним шёл Янь Хун.

— Всё в порядке? — с беспокойством спросил Янь Хун. — Ты слишком глубоко погрузился, Цинь Гэ.

— Всё хорошо, он со мной, — Цинь Гэ взглянул на Се Цзыцзина и сказал Янь Хуну. — Остальное вы сами разберёте, я пойду отдохну. Если состояние Би Фань изменится, свяжитесь со мной в любое время.

Когда они выходили из больницы, Се Цзыцзин держал его за руку и не отпускал даже в такси. Его рука была большой и тёплой, он удерживал правую руку Цинь Гэ между своими ладонями, словно держал драгоценность.

Феромоны Се Цзыцзина были слишком явными, слишком сильными. После того как смутение и головокружение прошли, лицо Цинь Гэ пылало. Се Цзыцзин проводил его домой, открыл дверь с помощью кода, включил все лампы в доме, велел ему принять душ, а сам отправился на кухню кипятить воду. Цинь Гэ покорно следовал его указаниям. Он положил рюкзак и куртку, увидел ингибиторы в боковом кармане, немного подумал, но, застегнув молнию, не стал их принимать.

<http://bllate.org/book/15560/1384640>